

ДИАЛОГ ВЕТЕРАНОВ

Шеховцова Т.Н., Булычев Б.М.

Химический факультет имени М.В. Ломоносова

DOI 10.55959/011510-2023-19-50-58

Для того, чтобы узнать мнение преподавателей химического факультета о нынешнем состоянии профессиональной подготовки студентов и тенденциях её изменения, редакция ежегодника обратилась к профессорам факультета, имеющим полувековой опыт преподавательской работы, Татьяне Николаевне Шеховцовой и Борису Михайловичу Булычеву.

Ред. Как Вы оцениваете уровень знаний абитуриентов, поступающих на химический факультет МГУ в последние годы?

Т.Н. ШЕХОВЦОВА: Уровень знаний абитуриентов средний. Об этом свидетельствует и не слишком высокий проходной балл на химический факультет.

Б.М. БУЛЫЧЕВ: Можно говорить только о средних значениях этого уровня. В среднем он, безусловно, снижается за счёт уменьшения доли сильной фракции абитуриентов. Если 50–70 лет тому назад она была не менее 30 %, то сейчас вряд ли достигает 5–7 %. Возможно, это мнение ошибочно, поскольку я сужу по студентам своей кафедры, а они у нас явно не передовики труда и учебы. Но, в целом, эта картина: 5–7 % от выборки – передовики, до 10% – «мусор» и 80–85 % – «болото» – типична для всех социальных групп, находящихся в «равновесии со средой». А 30 % передовиков во времена СССР – это конкурсный отбор (в 1958 году на химфаке МГУ конкурс 12 человек на место, в 2022 фактически конкурса нет) в «неравновесных» условиях, который сейчас просто невозможен.

Ред. Изменился ли этот уровень за последние 30 лет и, если да, то в какую сторону? В чём, по Вашему мнению, состоят причины изменения уровня знаний?

ТНШ: Уровень знаний изменился и далеко не в лучшую сторону. В основном, по моему мнению и мнению моих коллег, причина этого заключается в снижении качества подготовки по химии в школе. Учителя химии (часто не самые высокопрофессиональные и увлечённые предметом) не стремятся привить глубокие и широкие знания ученикам. Во многих обычных, непрофильных школах, на уроках химические опыты вообще не проводятся, а химия – наука экспериментальная! Нет единых учебников по химии. В старших классах вместо обучения фундаментальным основам химии и логическому мышлению на уроках слишком большое внимание уделяется «натаскиванию» учеников на выполнение заданий ЕГЭ. Ребята не умеют системно мыслить, обобщать, анализировать материал, делать выводы, не умеют самостоятельно работать.

БМБ: Да, и резко. Причина проста: высшее образование – это уже не социальный лифт, как это было в советские времена для большинства окончивших вузы. С точки зрения большинства нынешних выпускников школ учёба после школы – пустая трата времени, о чём гораздо более эффективно, чем официальная пропаганда, говорят в социальных сетях и в СМИ различного уровня. Зачем учиться, если девочка 9-10 лет, так называемая «блогерша», которая даже ничего не знает про Муху-Цокотуху, имеет 10 млн таких же знатоков-подписчиков и сама миллионерша, а Грета Тунберг, не окончившая школы, заморочила весь мир своим несчастным детством так, что большая его часть сама впала в детство. Правда, меньшая, которая всё это организовала и которая явно окончила все возможные и лучшие колледжи и университеты, все эти кукловоды, наверное, состригли на слезах этой глупышки неплохой «клок шерсти».

Ред. Сегодня «модно» ругать ЕГЭ. Многие считают, что все беды нашего школьного образования связаны именно с ЕГЭ. Согласны ли Вы с этой точкой зрения?

ТНШ: Во многом согласна. Возможно, единая система контроля знаний выпускников полезна, но тесты часто составлены весьма неудачно, несовершенна система проверки ответов. Но главное, нельзя всё обучение в старших классах сводить к подготовке учеников к ЕГЭ, как это сейчас зачастую происходит.

БМБ: Да причём здесь ЕГЭ? Это всего лишь аттестация знаний, полученных в процессе обучения. Может быть, это не лучший вариант аттестации, и явно не всеобщее равнодоступный для всех. Нельзя сравнивать преподавательский потенциал школ Москвы и провинциального города или села, а тем более финансовый потенциал родителей, достаточный для найма ЕГЭшных тренеров (опять же в среднем и без учёта талантливых детей, которым все это даётся природой).

Сказка о том, что ЕГЭ создаёт равные условия для детей всех регионов – уже даже не сказка, а какая-то фантазия взрослых дядей и тётей, навеянная им в бреду, «сон разума». Но ещё раз – не важно, какова аттестация знаний, если этих знаний нет – ЕГЭ это, устный или письменный экзамен – всё едино, результат близок к нулю. А как эти знания можно получить при тех учителях, которые сейчас массово выпускаются педвузами, и при их зарплатах? При тех программах и количестве предметных часов? При полном отсутствии практических занятий по естественнонаучным дисциплинам?

Ред. В настоящее время абитуриенты, имеющие достижения на олимпиадах, получают преимущество при зачислении в вузы. Правильно ли это? Следует увеличивать или уменьшать долю «олимпиадников»?

ТНШ: Ответ на этот вопрос неоднозначный. С одной стороны, олимпиады позволяют отобрать наиболее способных, одарённых абитуриентов, имеющих особые навыки и владеющих тактикой и страте-

гией прохождения ответственных конкурсов. Но успешные победители олимпиад часто в ходе обучения в университете испытывают немалые проблемы морально-психологического плана из-за переоценки своих сил, из-за скептического отношения к учебной программе, воспринимая её как «рутину», не заслуживающую их внимания. Такие «зарвавшиеся» студенты в конце первого-второго курсов настолько «заваливают» учебу, что их подают на отчисление.

Считаю, что практику приёма победителей олимпиад без экзаменов следует оставить, но долю «олимпиадников» не увеличивать.

БМБ: С моей точки зрения, надо увеличивать их долю. Однако в моей практике было несколько случаев, когда сильнейшие олимпиадники отчислялись со второго–третьего курса за академическую неуспеваемость или скатывались в то самое болото «ни то, ни се», поскольку на первом–втором курсах они фактически не учились, так как им было не интересно – они всё это знали. А когда подходили к третьему курсу, они не учились, потому что вдруг выяснялось, что они не умеют учиться, ибо не понимали того, что задача университета не просто вложить в голову некие сведения по предмету его профиля, а научить учиться систематически и всю жизнь.

Ред. Какова доля мотивированных студентов на Химфаке МГУ? Как изменилась эта доля за последние 30 лет?

ТНШ: При ответе на этот вопрос мои коллеги приводят цифры от 15 до 50%. Такой разброс мнений свидетельствует о сложности объективной оценки этой доли. Если считать «мотивированностью» стремление студентов учиться как можно лучше, получать глубокие знания, то, на мой взгляд, достаточно показательной оценкой является число студентов, получающих оценку отлично-«автомат» за годовой экзамен по аналитической химии. При этом рейтинг за работу в течение года, являющийся основой при выставлении экзамена-автомата на кафедре, с годами отнюдь не смягчается, остается очень строгим. Так вот, в течение *многих* лет (а рейтинг на кафедре аналитической химии

существует более 20 лет) среди 230 студентов не менее 50 человек каждый год получают пятерку-автомат, а это примерно 20%. К ним можно добавить ещё 10–15% ребят, которые очень стараются, но чуть не дотягивают до пятерки по каким-то критериям рейтинга. Так что в общей сложности – это примерно 35%, которые остаются постоянными.

В последние годы появилась новая разновидность «мотивации»: при выборе кафедры для специализации: некоторые студенты интересуются, насколько лаборатория готова финансировать их научную работу, и в зависимости от полученного ответа выбирают кафедру и лабораторию.

БМБ: Я думаю, что она всё те же 5–7 %. Сколько выпускников факультета работает по специальности, должна знать наша учебная часть или кто-то в Минвузе.

Ред. Ваша оценка динамики уровня знаний выпускников на химфаке МГУ за последние 30 лет.

ТНШ: Оценить, даже на качественном уровне (больше, меньше), динамику уровня знаний выпускников трудно. Многие мои коллеги считают, что снизился уровень знаний «среднячков». Мне же кажется, что *ухудшилось качество* их знаний: сейчас студенты (не относящиеся к «мотивированным») редко пользуются бумажными версиями учебников, они довольствуются скачанными на планшеты и смартфоны главами, фрагментами учебников и учебных пособий. Несмотря на обилие научной и учебной информации в интернете, не считают нужным ею пользоваться. Не умеют работать самостоятельно! Основная задача – не выучить и запомнить, а «спихнуть» коллоквиум, экзамен и идти дальше.

БМБ: Мне кажется, после резкого падения она вышла на стационарный и довольно низкий уровень. Я сужу по уровню знаний и вовлечению в профессию молодых преподавателей факультета (конечно,

не всех). В то же время научные сотрудники вполне конкурентоспособны (конечно, также не все).

Ред. Сравните средний уровень образования выпускников советского периода с нынешними.

ТНШ: Несмотря на солидный стаж работы, я не отношусь к тем моим ровесникам, которые считают, что в советское время и солнце светило ярче, и трава была зеленой. Студенты во все времена остаются студентами: всегда есть ребята, стремящиеся к знаниям, занимающиеся много и добросовестно, и есть те, кто пришёл на химфак либо по настоянию родителей, либо за компанию с друзьями, и учатся, как получится. Во времена нашей студенческой молодости не было тех возможностей получать информацию, которые есть сейчас, приходилось много заниматься самостоятельно, по учебникам, в библиотеке (сейчас студенты, по-моему, понятия не имеют, где она находится на химфаке). Было больше ответственности – так нас воспитывала школа и родители. Система образования была стабильной, без частых изменений и «усовершенствований», которые есть сейчас.

И ещё важное отличие – студенты не отвлекались от учёбы на «подработки». Всегда были ребята из малообеспеченных семей, которым очень важно было заработать на жизнь, при необходимости помочь родителям. Основные заработки приносила работа летом в студенческих строительных отрядах. Сейчас же, начиная с третьего курса, очень многие студенты подрабатывают где придётся, занимаются репетиторством (непонятно только, за какие «знания» платят им наивные родители школьников), работают в магазинах и т. д. Понятно, что ребята хотят большей финансовой независимости, тем более что стипендия до смешного мала. В принципе, в этом нет ничего плохого, когда есть свободное время. Но при наличии большой учебной нагрузки на факультете лавирование между своими занятиями и занятиями с учениками, бессонные ночи и пр., конечно, сказываются на качестве учёбы, знаний (см. предыдущий ответ).

БМБ: Господа, это вещи не сравнимые. Если в моё советское время хвалились количеством прочитанных книг и соревновались в количестве запомнившихся ярких мест, образов и цитат из этих книг, то сейчас эти книги читает ничтожная часть молодых, а вся информация и всё развитие идёт через мобильный телефон и социальные сети, то есть через Интернет. Это для них не инструмент, помогающий жить, а образ жизни, с ним они спят, переходят улицу, идут в сортир и знают много таких вещей, которые нам абсолютно не доступны, да и абсолютно не интересны. Это совсем другое поколение с другим менталитетом. Профессиональный уровень большинства из них не высок, они и не стремятся его повысить. Большинство из них потребители, а преподаватели – лица, предоставляющие им услуги. Ведь только мобилизация заставила многих из них выйти на защиту кандидатских диссертаций, поступить в аспирантуру или устроиться на работу в «ящики». Я не хочу сказать, что это плохо. Это просто всё по-другому. Мы говорили – «но ведь это написано в "Правде"». А они говорят – «но ведь это есть в Интернете».

Ред. Как Вы относитесь к формату обучения в вузе по системе бакалавр – магистр?

ТНШ: 10 лет назад, когда в нашей стране вводили двухступенчатую систему бакалавриат плюс магистратура, практически все преподаватели химических вузов (сужу по 2-му съезду аналитиков России в 2013 г.) активно выступали против бакалавриата, мотивируя это тем, что его выпускник за четыре года не получит достаточную профессиональную подготовку, не будет подготовлен для работы в современных лабораториях, оснащенных сложным оборудованием; ему трудно будет найти работу, соответствующую его желаниям. За прошедшие годы выяснилось, что в некоторых регионах страны знаний бакалавров, подготовленных в некоторых, особенно технологических, университетах, вполне достаточно для нормального трудоустройства. Поэтому в этом году (на 4-ом съезде аналитиков России) представите-

ли некоторых (немногих) периферийных университетов выступили в защиту бакалавриата.

К положительным аспектам введения бакалавриата относили возможность продолжения обучения в магистратуре тех студентов, которые хотят и способны заниматься научной, исследовательской работой. Особенно это привлекательно в тех случаях, когда при поступлении в магистратуру можно поменять не только университет, но и специализацию. Однако в настоящее время мест в магистратуру в вузах, как правило, мало, и в большинстве случаев они платные.

Я отношусь с уважением и пониманием к мнению коллег из других университетов, готовящих специалистов для своих регионов; я одобряю систему подготовки на химфаке по программе бакалавриата иностранных студентов и по программе магистратуры – выпускников-бакалавров других вузов страны.

Но я категорически против обучения по системе бакалавр-магистр студентов МГУ! Крупнейший университет страны должен готовить специалистов высокого уровня, способных заниматься как практической, так и научно-исследовательской работой. И абитуриентов надо нацеливать соответствующим образом.

БМБ: Вполне нормально, зачем насиловать человека магистерской диссертацией. Отмучился четыре года и уходи, но как специалист химик ты никому не нужен. Хочешь получить профессию химика – учись дальше.

Ред. В МГУ принята система шестилетнего специалитета. Ваше отношение к этой системе применительно к нашему факультету?

ТНШ: Система шестилетнего образования введена в МГУ без должного всестороннего обсуждения, она разбалансировала устоявшуюся и десятилетиями выверенную систему пятилетнего специалитета (которая продолжает успешно существовать в большинстве российских университетов, хотя кое-где и *наряду* с бакалавриатом), яви-

лась суррогатной заменой суммы {бакалавриат + магистратура}; существенно увеличила нагрузку на преподавателей, которым пришлось готовить новые курсы лекций, чтобы заполнить дополнительное время.

Надежды на то, что с добавлением лишнего года прибавится время на выполнение дипломных работ, которые станут более качественными, не оправдываются. Шестой курс заполнен многими гуманитарными предметами, спецкурсами, подготовкой к госэкзамену. Да и многие студенты привыкли всё откладывать на последний семестр. Кроме того, увеличение продолжительности обучения в специалитете ведёт к снижению количества желающих поступать в аспирантуру: проучившись 6 лет (в среднем до 23-24 лет), выпускники (особенно мужчины) не хотят или не могут тратить ещё 4 года на выполнение кандидатской диссертации.

Считаю, что эта система надуманная, далеко не оптимальная для химического факультета.

БМБ: Абсолютно не вижу смысла, поскольку факт шестилетнего образования не идентичен системе бакалавр-магистр по законодательным нормам многих зарубежных университетов, хотя он ничем и не отличается от них, а может и превосходит в профессиональном плане.